

УДК 111.1:140:929

М. В. Карпенко

кандидат філософських наук,

доцент кафедри філософії і основ общезагуманитарного знання
Одеського національного університету імені І. І. Мечникова

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ П. А. ФЛОРЕНСКИМ ГЕТЕВСКОГО ПОНЯТИЯ ПЕРВОЯВЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ УЧЕНИЯ О ЦВЕТЕ)

Гетевская теория созерцательного познания природы связана с разработкой нового научного метода, основанного на понятии первоявления, которое так же является ключевым и для «конкретной метафизики» П.А. Флоренского. Об этом пишет П.А. Флоренский в своих воспоминаниях: «Этот *Urphaenomenon* делался ... орудием познания, категорией, основным философским понятием, около которого все группировалось и координировалось, около которого выкристаллизовывался весь опыт» [9, с. 791]. «Сродность» объекта познания «конкретной метафизики» с объектом познания Гете настолько очевидна, что не могла остаться незамеченной исследователями творчества П.А. Флоренского [1; 3]. Так, Н.К. Бонецкая, называя П.А. Флоренского русским Фаустом, а «конкретную метафизику» гетеанством подчеркивает, что он использует гетевское понятие первоявления как основной познавательный инструмент: «Мыслитель искал вокруг себя эти *Urphaenomenon* – те особые явления, в которых сущность вещи присутствует наглядно, которые подтверждают гетевское “*Natur hat weder Kern, noch Schale*”. ... Далеко не всякий предмет, по Флоренскому, может рассматриваться как *Urphaenomenon*; сокровищницей таких первоявлений стал для него православный культ. ... Впрочем, гетеанские исследования Флоренского не ограничивались культурными реалиями: первоявлениями, согласно Флоренскому, оказываются также слова и в особенности человеческие имена, произведения искусства, а также некоторые природные явления...» [2].¹

Несмотря на общность познавательных установок двух мыслителей – стремление созерцать идею, воплощенную в конкретном явлении как первоявление, тем не менее, для них характерно различное понимание первоявления. Н.К. Бонецкая, определяя мировоззрение П.А. Флоренского как гетеанство, отмечает, что гетевское первоявление, о котором у него идет речь, имеет определенное сходство как с платоновской идеей, так и с аристотелевской формой. Она признает, что между гетеанством П.А. Флоренского и методологией Гете существует различие, которое сложно выявить. По мнению Н.К. Бонецкой, гетеанство П.А. Флоренского специфично, оно близко платонизму и аристотелевскому учению о форме, «духовной науке» Р. Штейнера, феноменологии и герменевтике. Н.К. Бонецкая, кроме того, замечает, что в статье «Небесные знамения» П.А. Флоренский не только описал гетевский цветовой протофеномен, но и онтологически углубил его, продвинувшись в изучении данного вопроса дальше самого Гете [1; 2].

У Гете понятие первоявления существует в рамках оппозиции «общее – единичное», «теоретическое – эмпирическое», т. е. в контексте познания природы, в которой

общее доступно для созерцания в единичном, теоретическое наличествует в эмпирическом. Первоявление у Гете не имеет онтологического статуса. В отличие от Гете, у П.А. Флоренского понятие первоявления определяется в рамках оппозиции «трансцендентное – имманентное», «ноуменальное – феноменальное», т. е. в контексте познания природы, в которой трансцендентное мистически созерцается в имманентном, ноуменальное наличествует в феноменальном. П.А. Флоренский называет это двуединством трансцендентного и имманентного, ноумена и феномена. У Гете нет онтологии в первоявлении, поскольку природа рассматривается им как естественное, чисто материальное образование. Соответственно, и свой метод познания природы, основанный на идее первоявления, он справедливо считает научным. Что касается П.А. Флоренского, то следует говорить не об онтологическом углублении им понятия первоявления, а скорее о придании им этому понятию онтологического статуса. Он делает это, сближая понятие первоявления с платоновской идеей как первообразом вещей, в связи с чем оно наполняется онтологическим содержанием и тем самым перестает быть гетевским понятием первоявления. Ведь у Гете первоявление не образует самостоятельную область бытия, отличную от сферы материальных вещей, между тем как у П.А. Флоренского появляется нечто вроде онтологического зазора между первоявлением и явлением. Наличие данного онтологического зазора не только не противоречит, но прямо предполагается вероучением, приверженцем которого является о. Павел. Однако задача, которую он решает, разрабатывая «конкретную метафизику», состоит в том, чтобы устранить данный зазор между трансцендентным и имманентным, ноуменальным и феноменальным, а для этого лучше всего подходит гетевское понятие первоявления «в онтологической плотности, по Платону» [9]. Таким образом, из данного понятия вырастает фундаментальная идея П.А. Флоренского о двуединстве трансцендентного и имманентного, ноуменального и феноменального. Только на ее основе можно познать тайну так, как ее хочет познать П.А. Флоренский, сохраняя при этом саму тайну, мистически.

Лучше всего различие в понимании первоявления Гете и П.А. Флоренским видно на примере имеющегося у обоих мыслителей учения о цвете.

Под первоявлением, как известно, Гете понимает протофеномен (нем. “*urphänomen*”), который у него выражает то всеобщее или типическое, что свойственно определенному ряду феноменов. Это понятие было разработано самим Гете, став основополагающим для его естественнонаучного труда «Учение о цвете», в котором он критикует ньютоновскую оптическую теорию и излагает результаты собственных наблюдений за явлением возникновения

¹ Здесь и в дальнейшем при цитировании текстов, размещенных в Интернете, номер страницы указывается не всегда.

² Из примечаний к «Очерку теории познания Гётевского мировоззрения» Рудольфа Штейнера: «Кроме определённых явлений возникновения цвета, Гёте называет прафеноменом магнит, характер, спиральную тенденцию роста растений, электричество, а также приближение дна, рассматриваемого сквозь воду без преломления, когда взгляд перпендикулярен поверхности» [13, с. 121]. Г. Зиммель раскрывает гетевское понятие протофеномена следующим образом: «Прафеномен – сюда относятся возникновение красок из света и тьмы, ритмическое увеличение и ослабление силы притяжения Земли как причина смены погоды, развитие органов растения из формы листа, тип позвоночных животных – является чистейшим, абсолютно типичным случаем отношения, комбинации и развития природного бытия...» [6, с. 205].

цвета из света и тьмы². Используя понятие “urphänomen”, Гете, прежде всего, объясняет происхождение такого феномена, как цвет, который в сущности своей есть зримый нашим глазом свет, т. е. само первоявление. Известный исследователь гетевского мировоззрения К.А. Свасьян уточняет: «... под светом разумеет Гете не смесь физических цветов, ни даже солнечный свет, обычно называемый белым, но нечто принципиально иное. Белый уже не свет, а цвет, ближайший к свету, но цвет. Между тем, свет есть инвариантная сущность, пронизывающая все без исключения цвета» [7, с. 81–82]. Из этого следует, что гетевский протофеномен представляет собой чувственно созерцаемый единичный случай того, что дано мышлению как общее – идеи. Так, согласно Гете, чувственно созерцаемый цвет открывает нам понимание природы света, «модифицированного тьмой», поскольку все многообразие цветовых явлений в природе обусловлено его существованием, как впрочем, и существование самого глаза. Он отмечает: «Цвет есть закономерная природа в отношении к чувству зрения» [5, с. 104]. При этом вне чувственного восприятия нашим глазом цвета свет незрим, т. е. для существования цвета необходимы свет и тьма и, наоборот, свету, чтобы стать видимым, требуется цветовой протофеномен. Н.К. Бонецкая о цветовом первоявлении Гете пишет следующее: «Летающий Фауст созерцает перед собой, сквозь дымку атмосферной пыли, свет заходящего солнца («передо мною день»), позади же видит сине-фиолетовую, постепенно чернеющую тьму («позади меня ночь»). Итак: в своем стремительном «полете» Фауст наблюдает на закатном небе цветовой протофеномен» [1, с. 98].

Ключом к пониманию природы протофеномена у Гете является понятие единичного. Данное понятие означает не элемент как предел деления чего-то на части и не часть целого, а целое, которое выражает единство. Вопреки давно сложившейся традиции категориально различать единичное и общее как противоположности, Гете их совмещает. Общее у него включено в единичное и вне своей эмпирической оболочки, т. е. вне образа, не существует, тогда как реальность единичного как такового образует общее, идею. Гетевское понятие единичного означает не элемент – предел деления чего-то на части, не часть целого, а целое, выражающее единство. Гете считает, что «все фактическое уже есть теория» [6, с. 206]. Поэтому в созерцании единичное дано не чувственно-пассивно, рецептивно, без схватывания его целостности, а как образ. Целостность единичного обусловлена тем, что оно содержит в себе общее – общий закон, идею, т. е. протофеномен. В данном смысле, протофеномен – это и есть идея, тип, объективный закон природы, теория и т. д. Гете пишет: «Что называют идеей: то, что всегда обнаруживается в явлениях и притом выступает как закон всякого явления» [4, с. 396]. Если, согласно Гете, идея существует только в эмпирической оболочке единичного и, следовательно, в принципе не может быть от нее освобождена, то, обнаруженная в феномене, она чувственно созерцается, представлена в чувственном образе. Беседа с И.-П. Эккерманом, Гете замечает: «Я стараюсь не придавать решающего значения идеям, в основе которых отсутствует чувственное восприятие» [14, с. 33]. С точки зрения Гете, как в целом, так и в его отдельных частях можно созерцать одну и ту же идею: пурпур содержит в себе все другие цвета, а «синевя неба открывает нам основной закон хроматики» [6, с. 206]. Каждое явление как единичная целостность отличается по форме от всех других явлений, с которыми образует мировое целое, и в то же время не отличается от них, потому что содержит ту же идею, что и все другие явления. «Тот же закон, – утверждает Гете, – который вызывает синеву небес, мы обнаруживаем в нижней части пламени горящей свечи, в горящем спирте и в освещенном дыме над трубами деревьев, за которой высятся темные

горы» [14, с. 30]. Согласно такому убеждению Гете, все явления, образуя мировое множество, связаны между собой, потому что представляют собой модификации одной и той же идеи. Эта связь всего сущего выражает мировое единство – протофеномен природы.

Природа как мировая целостность не дана нам в чувственном созерцании, поэтому Гете, исходя из идеи превосходства целого над частями, находит для нее чувственный аналог – организм как жизнь в рамках целого. В каждом единичном феномене воспроизводится высшее мировое единство. Вместе они образуют последовательность разворачивания одного во многое, отличаясь друг от друга, как метаморфозы одного и того же. В этом можно убедиться на примере цветового протофеномена. У Гете свет, «модифицированный тьмой», обуславливает цветное многообразие в природе. В непосредственной близости к свету возникает желтый цвет, ближе к тьме образуется синий, тогда как их соединение дает зеленый. Желтый и синий в своем концентрированном виде приобретают красноватый оттенок, переходя из желтого в оранжевый, а из синего – в фиолетовый цвет, из смешения которых получается пурпур. Так возникают шесть основных цветов: желтый, синий, зеленый, оранжевый, фиолетовый и пурпурный. «Подобно типу, пронизывающему органический мир и своеобразно проявляющемуся в каждой отдельной спецификации, не сводясь к ней полностью, свет предстает как подвижное единство цветового многообразия, где каждый цвет специфически представляет его через темную среду, никогда не совпадая с ним в полной мере» [8]. По мнению Гете, то, из чего все разворачивается во множество и есть протофеномен природы, который выражается не в феномене как отдельном явлении, а в мировой связи феноменов и в качестве такового является прообразом всего сущего. Из указанного видно, что протофеномен как прообраз всего и вся – это идея не отдельного явления, а природы в целом. Подобно тому, как протофеномен, содержащийся в явлении, обуславливает его действительность, придает ему характер фактического бытия, так и протофеномен в качестве прообраза, т. е. идеи природы, представляет собой тотальность бытия в виде мирового множества связанных между собой явлений. И.-П. Эккерман пишет: «Высшее, чего может достигнуть человек, – заметил Гете ..., – изумление. Ежели прафеномен повергнул его в изумление, он должен быть доволен, ничего более высокого увидеть ему не дано, а искать дальнейшего не имеет смысла – это граница. Но люди обычно не удовлетворяются содержанием прафеномена, им подавай то, что кроется за ним, и в этом они похожи на детей, что, взглянув в зеркало, тотчас же переворачивают его – посмотреть, что там с другой стороны» [14, с. 290]. Гетевский протофеномен природы ничем не определяется, но предопределяет собой всю мировую множественность явлений, и в данном смысле, не являясь чем-то сверхъестественным, он может быть назван божественным началом. Природа, понимаемая Гете как дух или божество, – это все тот же “urph nomen”, только локализованный не в отдельном единичном явлении, а в целостности живого и становящегося природного бытия. Со слов Гете, богиня-природа является в протофеноменах, «таится за ними и их создает» [14, с. 288]. Это означает, что у Гете “urph nomen” как божественное начало есть предел любого феномена, фактическая истина, по отношению к которой нет трансцендентного. И, соответственно, в самом акте познания первоявления для Гете нет ничего a priori. Он пишет: «То, что мы обнаруживаем в опыте, является большей частью лишь случаями, которые ... могут быть подведены под общие эмпирические рубрики. Последние заново подводят под научные рубрики ..., в результате чего мы ближе знакомимся с неизбежными условиями являющегося.

С этого момента все постепенно подходит под более высокие правила и законы, которые, однако, открываются не рассудку через слова и гипотезы, а созерцанию опять-таки через феномены. Мы называем их первофеноменами, ибо в явлении нет ничего выше их» [8]. Отсюда понятно, почему у Гете процесс обнаружения протофеномена описан как смотрение, переходящее в рассматривание, а затем – в размышление и связывание, т. е. теоретизирование. Следует заметить, что Гете определяет свой метод созерцательного суждения как научный, поскольку убежден, что «при каждом внимательном взгляде, брошенном на мир, мы уже теоретизируем» [4, с. 263]. Соответственно, гетевский протофеномен служит отправным пунктом для теоретического обобщения конкретных фактов. Он характеризуется как естественный закон и в качестве такового относится к области научного познания. Это означает, что протофеномен входит в состав той же реальности, которую образуют феномены – природы. В структуре данной реальности он по отношению к феноменам выступает как первофеномен, обуславливая их единство. Поскольку в самой природе Гете не представлялось возможности опытно выявить основополагающего цветового первоявления, выражающего гармоничное единство многообразия цветов,³ аналогом его стал искусственно созданный им цветовой круг.

В отличие от Гете, П.А. Флоренскому удалось не только наблюдать фундаментальное цветовое первоявление в естественных условиях, на зкатном небе, но и спроецировать гетевское понятие на трансцендентную сферу. П.А. Флоренский в своих работах неоднократно подчеркивает, что его мировосприятие, во многом основывающееся на мистических интуициях и детских впечатлениях от природы, сродни мироощущению Гете. Он, также как и Гете, видит в природе живое единство и воспринимает ее в целом и отдельных частях подобно гетевскому протофеномену. В «Общечеловеческих корнях идеализма» П.А. Флоренский высказывает следующую мысль: «Вся природа одушевлена, в с я – жива, – в целом и в частях. Все связано тайными узами между собою, все дышит вместе друг с другом» [11, с. 151]. При этом он отмечает, что среди множества природных феноменов его привлекают именно те, в которых «ткань организации наиболее проработана формирующими ее силами», «проницаемость плоти мира наибольшая», «тоньше кожа вещей и где яснее просвечивает чрез нее духовное единство» [9, с. 792]. Из указанного видно, что П.А. Флоренского привлекает гетевская идея протофеномена как обладающего «чистой» и в данном смысле «тонкоматериальной» структурой, отличной от конкретно-физической структуры феномена. Однако при этом П.А. Флоренского интересуют не столько законы природы, обнаруживаемые за первоявлением, сколько трансцендентные сущности, явленные в нем. По словам Н.К. Бонецкой, в духовных исследованиях П.А. Флоренского идет речь не о «природных закономерностях», а о «живых духовных существах» [1]. Поэтому неслучайно П.А. Флоренский от изучения протофеномена в природе, в частности цветового, переходит к непосредственному усмотрению его в сфере религии, например, в иконописи или облачениях священнослужителей.

Различие между гетевским пониманием протофеномена и пониманием его П.А. Флоренским возникает из-за стремления последнего всегда созерцать в природном первоявлении трансцендентное как «тонкоматериальное». Для такого созерцания ему требуется произвести онтологическое уплотнение гетевского протофеномена, «по Платону», а значит рассмотреть в нем первообраз,

аналогичный платоновской ино-мирной идее и тем самым преодолеть онтологическую разобщенность бытия. Можно сказать, что у П.А. Флоренского идея цветового первоявления обусловлена этой же необходимостью – зреть трансцендентное в чувственном как конкретное или «тонкоматериальное». В отличие от Гете, для которого в протофеномене как «предметной истине» отсутствует трансцендентное, П.А. Флоренский видит в нем воплощенные «горние лики», «духовные зраки божеств», то есть образы нетварного мира. Так, например, в цветовом первоявлении, согласно П.А. Флоренскому, присутствует трансцендентный, божественный свет. Более того, сами цвета представляют собой его ослабленные, затемненные проявления. Следовательно, для П.А. Флоренского переход от трансцендентного к имманентному не только возможен, но и необходим для существования онтологического двуединства. Природа его состоит в том, что феномен всегда выражает имманентно-духовное, при этом не являющееся всецело имманентным, тогда как ноумен, зримый в феномене, не является всецело трансцендентной реальностью. В статье «Небесные знамения» П.А. Флоренский отмечает: «Солнце, тончайшая пыль и тьма пустоты в мире чувственном, и – Бог, София и Тьма кромешная, тьма метафизического небытия в мире духовном – вот те начала, которыми обуславливается многообразие цветов, как здесь, так и там, при полном всегда соответствии тех и других друг другу» [10, с. 315]. Цветовое первоявление П.А. Флоренского может быть истолковано как проявление трансцендентного мира, явление «горнего» в «долнем» и вместе с тем как возможность для трансцендентного обрести свое чувственно-конкретное воплощение или «зримое» бытие. У П.А. Флоренского отношение между первоявлением и явлением может быть раскрыто как отношение между ноуменом и феноменом, которые отличаются друг от друга по своему онтологическому статусу, подобно тому, как различаются между собой трансцендентное и имманентно-духовное. П.А. Флоренский раскрывает понятие ноумена следующим образом: «Νοῦς значит собственно: духовное средоточие нашего существа, средоточие, центр, первоузел духовной жизни; νοῦς – это духовное Я, дух – в противоположность внешним, случайным разрозненным чувственным впечатлениям ... Ноуменальный – значит умопостигаемый, т. е. духовно познаваемый и духовно сущий, но чувственно не познаваемый и не сущий» [12, с. 124]. Проясняя содержание понятия феномена, П.А. Флоренский отмечает, что современное понимание его – φαινομενον соответствует приблизительно греческому δόξα и употребляется в отрицательном смысле как мнение, кажимость или мнимость. Оно не эквивалентно греческому слову φαῖνόμενον, имеющему положительное значение. Относительно греческого φαῖνόμενα (феномены, явления, являющиеся) П.А. Флоренский замечает: «Явление противоплагается отсутствию, небытию, – кажущемуся или мнимому. Являться – это сделаться явным, быть въявь, в противоположность, с одной стороны, отсутствию, а с другой – мечтанию, призраку, мнимости» [12, с. 524]. Он отождествляет феномен как явление с одеждой, которая скрывая – открывает, укутывая – выявляет, облачая – разоблачает являемое как сокровенное. Поэтому, согласно П.А. Флоренскому, стать явленным означает быть познанным, но познанным не окончательно, не в значении гетевского протофеномена как «последнего познаваемого», а именно как неведомого, ноумена, в котором присутствует тайна. У П.А. Флоренского первоявление не должно обличать последних тайн природы,

³ Гете пишет: «Вообще природа не дает нам ни одного всеобъемлющего феномена, где бы эта цветовая цельность была бы вполне налицо» [5, с. 125].

как у Гете, оно может только раскрывать их подлинную сущность как тайну, т. е. не нарушая ее. То, что для Гете в цветовом протофеномене нет ничего сверхприродного, того, что нельзя было бы всесторонне исследовать и теоретически обобщить, видно из его высказывания, записанного И.-П. Эккерманом: «... в «Учении о цвете» не довольно знания важнейших законов и восприимчивого ума, надо научиться делать выводы из явлений, часто весьма таинственных, и прозревать их взаимосвязь» [14, с. 441]. Иначе говоря, объектом изучения естествоиспытателя должен стать основополагающий протофеномен, который закономерно выражает внутрприродную тайну исследуемых явлений. Так у Гете цветовой протофеномен, возникший из света и тьмы, является первичным и фундаментальным выражением такого таинственного природного феномена, как цвет.

П.А. Флоренский в «Небесных знамениях» воспроизводит цветовой спектр Гете, ориентируясь на его учение о цвете. Так же как и Гете, он выделяет шесть основных цветов: фиолетовый, сиреневый, голубой, розовый или красный, оранжевый и прозрачно-зелено-изумрудный. Эти цвета представляют собой чувственно-созерцаемый протофеномен, поскольку заключают в себе метафизический свет, понимаемый П.А. Флоренским как единственная подлинная реальность. В отличие от Гете-естествоиспытателя, не признающего мистики, П.А. Флоренский не только мистически созерцает первоявление на закатном небосводе, но и размышляет о символике цветов в контексте метафизики света. В свете он видит божественное («Бог есть свет»), надприродное и ноуменально-духовное начало, воплощенное в конкретных цветовых феноменах. Сам по себе свет, считает П.А. Флоренский, не имеет никакой примеси, он чист, прозрачен и бел. Цветность ему придает метафизическая пыль, называемая Софией или перво-тварью. Он пишет о природе света: «Дадим отчет себе, что собственно видим мы. – Мы видим свет и только свет, единый свет единого солнца. Его различная окраска – не собственное его свойство, а соотношение его с той земной и отчасти, может быть, небесной средой, которую наполняет собою этот единый свет» [10, с. 309]. Многообразие цветов в природе, согласно П.А. Флоренскому, обусловлено соотношением света как метафизического начала сверхчувственного бытия с физическими началами чувственного мира. «Отсюда, – заключает он, – устанавливается и символическое значение в мире сверхчувственном того, что является результатом соотношения начал бытия чувственного, т. е. символика цветов» [10, с. 312]. Из указанного видно, что цветовое многообразие возникает как следствие онтологического уплотнения первоявления. Идея здесь приходит в явление извне, она «ино-мирна», в отличие от гетевской идеи, которая изначально включена в структуру природного феномена и представляет собой высшее единство природы. Таким образом, феномен, по словам П.А. Флоренского, становится «шелухой другого, глубже его лежащего», в частности ноумена. В данном смысле цвет вторичен по отношению к свету, он заключает в себе «отвлеченную возможность» бытия, его «потенцию», «первое проявление качества» [9, с. 427] или одно из откровений духовного мира. Это особенно заметно в технике иконописи, описанной П.А. Флоренским в «Иконостае». При создании иконописного образа важен не столько цвет, понимаемый в его обыденном значении как краска, сколько именно свет. П.А. Флоренский подчеркивает его онтологическую значимость, отмечая следующее: «Свет, если он наиболее соответствует иконной традиции, золотится, т. е. является именно светом, чистым светом, не цветом. Иначе говоря, все изображения иконы возникают в море золотой благодати, омываемые потоками Божественного света. ... всякая краска приближала бы икону к земле и ослабляла бы в ней видение» [9, с. 426].

Итак, цвет существенно отличается от золота – вещества, которым изображается на иконе метафизический, нетварный свет. Согласно П.А. Флоренскому, икона – это наглядная онтология, поэтому процесс ее написания воспроизводит этапы Богосотворения мира из ничего. С золота трансцендентного по отношению к цвету начинается создание иконописного образа, и им же завершается и освящается. Однако значимость цвета в иконописи не элиминируется П.А. Флоренским, он наряду с золотом присутствует на иконе и, следовательно, участвует в создании мира. Цвет или краска становится своеобразным языком иконописного изображения, средством выражения его внеэмпирической сущности, сакрального содержания. П.А. Флоренский пишет: «Иконы своей художественной формой непосредственно и наглядно свидетельствуют о реальности этой формы: они говорят, но линиями и красками. Это – написанное красками Имя Божие...» [9, с. 369]. В данном смысле цвет у П.А. Флоренского, также как и у Гете, может быть назван первоявлением, но не в значении гетевской идеи, лежащей в одной плоскости с познаваемой природой, а в значении проявленной в явлении вне-природной сущности.

Итак, с точки зрения Гете, элементарный цветовой протофеномен универсально выражает высший синтез природных явлений и в данном смысле он может быть назван первообразом природы. Последнее означает его доступность для созерцательного познания. Подтверждением этому является высказывание Гете о том, что цвета и свет находятся во взаимном соответствии друг с другом, их надо воспринимать как свойственные всей природе, так как «посредством них вся она готова целиком открыться чувству зрения» [5, с. 101]. У П.А. Флоренского, напротив, содержание, которое заключено в первоявлении, не определяется его внутренней природой, поскольку оно как трансцендентное привнесено в явление извне, из духовного мира. Свет и цвет для П.А. Флоренского взаимосоотнесены как «горнее» с «дольним». Бог как свет присутствует в каждом проявлении цвета, т. е. в первоявлениях бытия. Отсюда можно предположить, что, размышляя о природе цветового первоявления, П.А. Флоренский вполне мог бы выразить мысль, которую высказал Гете в беседе с А. Шопенгауэром: «Свет, по-Вашему, существует лишь постольку, поскольку Вы его видите? Нет! Вас самих не было бы, если бы свет Вас не видел» [8].

Литература

1. Бонецкая Н.К. ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ. П. Флоренский: русское гетеманство / Н.К. Бонецкая // Вопросы философии. – 2003. – № 3. – С. 97–116.
2. Бонецкая Н.К. Русское гетеманство: преодоление символизма / Н.К. Бонецкая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rudolf-steiner.ru/50000051/1466.htm/>.
3. Бонецкая Н.К. Форум флоренсковедов / Н.К. Бонецкая // Вопросы философии. – 2001. – № 7. – С. 177–185.
4. Гете И.В. Избранные сочинения по естествознанию / И.В. Гете; перевод, послесл. и коммент. И.И. Канаева, ред. акад. Е.Н. Павловского. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1975. – 553 с.
5. Гете И.В. К учению о цвете (хроматика) / И.В. Гете [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.scribd.com/doc/26917260/ИОГАНН-ВОЛЬФГАНГ-ГЁТЕ-ИЗБРАННЫЕ-СОЧИНЕНИЯ-ПО-ЕСТЕСТВОЗНАНИЮ>.
6. Зиммель Г. Избранное / Г. Зиммель. – М.: Юрист, 1996. – Т. 1: Философия культуры. – 1996. – 671 с.
7. Свасьян К.А. Философское мировоззрение Гёте / К.А. Свасьян. – Ереван: Изд-во АН АРМССР, 1983. – 183 с.
8. Стефанов С. Цвет Гете и Ньютона / С. Стефанов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.compuart.ru/article.aspx?id=18116&iid=840>.

9. Флоренский П.А. Имена: Сочинения / П.А. Флоренский. – М. : ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс ; Харьков : Фолио, 1998. – 912 с.

10. Флоренский П.А. Небесные знамения (Размышления о символике цветов) / П.А. Флоренский // Флоренский П.А. Иконостас. Избранные труды по искусству / П.А. Флоренский. – СПб. : Мифрил-Русская книга, 1993. – С. 309–316.

11. Флоренский П.А. Общечеловеческие корни идеализма : [пробл. лекция pro venia legendi; прочитан. в Моск. духов. акад. 17 сент. 1908 г.] / П.А. Флоренский ; публ. А.Ф. Управителева // Философские науки. – 1990. – № 12. – С. 62–70; 1991. – № 1. – С. 106–119.

12. Флоренский П.А. Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) / П.А. Флоренский ; сост. игумен Андроник (Трубачев) ; ред. игумен Андроник (Трубачев). – М. : Мысль, 2004. – 685 с.

13. Штейнер Р. Очерк теории познания Гётевского мировоззрения – составленный, принимая во внимание Шиллера / Р. Штейнер. – М. : Парсифаль, 1993. – 144 с.

14. Эккерман И.П. Разговоры с Гёте / И.П. Эккерман. – М. : Художественная литература, 1981. – 687 с.

Аннотация

Карпенко М. В. Онтологическая интерпретация П. А. Флоренским гетевского понятия первооявления (на примере учения о цвете). – Статья.

В статье раскрывается онтологический смысл интерпретации П.А. Флоренским гетевского понятия первооявления (на примере учения о цвете). Сопоставляется учение о цветовом протофеномене Гете с учением о цвете П.А. Флоренского. Показано, что Гете и П.А. Флоренский используют разные онтологические предпосылки, раскрывая понятие первооявления. Для Гете цветовой протофеномен универсально выражает высший синтез природных явлений, является первообразом природы. Гете характеризует протофеномен как естественный закон и относит его к области научного познания. В отличие от Гете, П.А. Флоренский исследует цветное первооявление в контексте метафизики света. Он проецирует гетевский протофеномен на трансцендентную сферу.

Ключевые слова: первооявление, свет, цветовой протофеномен.

Анотація

Карпенко М. В. Онтологічна інтерпретація П.О. Флоренським гетевського поняття першооявлення (на прикладі вчення про колір). – Стаття.

У статті розкривається онтологічний смисл інтерпретації П.О. Флоренським гетевського поняття першооявлення (на прикладі вчення про колір). Зіставляється вчення про колірний протофеномен Гете з ученням про колір П.О. Флоренського. Показано, що Гете і П.О. Флоренський використовують різні онтологічні передумови, розкриваючи поняття першооявлення. Для Гете колірний протофеномен універсально виражає вищий синтез природних явищ, є прообразом природи. Гете характеризує протофеномен як природний закон і як такий, що належить до галузі наукового пізнання. На відміну від Гете, П.О. Флоренський досліджує колірний протофеномен у контексті метафізики світла. Гетевський протофеномен П.О. Флоренський проєцирує на трансцендентну сферу.

Ключові слова: першооявлення, світло, колірний протофеномен.

Summary

Karpenko M. V. P. A. Florensky's ontological interpretation of Goethe's Concept of first phenomenon (at the example of color doctrine). – Article.

The article defines P.A. Florensky's ontological interpretation of Goethe's concept of first phenomenon (at the example of colour doctrine). The Goethe's doctrine of color proto-phenomenon is compared with P. Florensky's colour doctrine. It is shown that Goethe and P.A. Florensky use different ontological pre-conditions explaining the notion of first phenomenon. For Goethe colour proto-phenomenon universally expresses the higher synthesis of natural phenomena being a nature prototype. Goethe characterizes proto-phenomenon as a natural law and considers it to be scientific cognition. In contrast to Goethe, P.A. Florensky studies colour first phenomenon in metaphysics context. He projects Goethe's proto-phenomenon on the transcendent sphere.

Key words: first phenomenon, light, color proto-phenomenon.